

ОКРАИНА вильнюсского микрорайона Жверинас — место чудесное. Но новостройки есть новостройки. В очередной колдобине наш «жигуленок» застрял окончательно. Довидас рассудил верно: мне идти, дабы быть пунктуальным, ему — пытаться вытащить машину. На асфальтовую дорожку я вышел, изрядно вывозившись в грязи. Будем надеяться, что народный артист «войдет в положение» и не осудит.

Дверь открылась. На пороге — он, высокий, атлетичный. Традиционное «Лабас!», широкий приглашающий жест и легкое удивление в серьезных глазах.

Уселись в гостиной, большой и пустой. На столике — пузатый чайник, чашки, сахарница. Отступление от традиции — у литовца вдруг не оказалось обязательного кофе.

— Я в вашем распоряжении, — Регимантас Адомайтис спокойно и внимательно посмотрел на меня.

— Москвичи вас знают и любят, но... не знают. Может быть, начнем с обычного: как все началось, «как вы дошли до жизни такой»? (не улыбнулся).

— Да, д-да, да... Как все началось? Учился на физико-математическом факультете Вильнюсского университета имени Капсукаса, был уже на четвертом курсе, когда решил поступать на факультет актерского мастерства Вильнюсской консерватории. Приняли. Два года шел параллельными курсами: заканчивал физмат и занимался в консерватории. Кончил университет, продолжал учиться «на актера».

— Но еще в школе вы начали играть в драмкружке...

— Да, д-да, да, еще в Пасвалисе, около Паневежиса.

— И попали потом во всемирно знаменитый театр, который тогда руководил Юозас Мильтинис, а теперь Донатас Банионис?..

— Нет. Я играл в драмкружке и бегал на спектакли всех гастролирующих театров. Я не знаю, как ответить на вопрос, почему я всегда хотел стать актером. А вы ведь уже готовились задать его, не так ли? Не знаю. Я любил театр. И люблю. Это ведь прекрасно, когда любишь. Страшно, когда нет любви. Представьте, я бы стал физиком. Может быть, работал бы в школе, или преподавал в вузе, или даже пошел бы «в науку». Но все это без любви. Да, д-да, да, знаю я, конечно, что, к сожалению, большинство людей так и живет. И это — страшно. Что касается Паневежисского драмтеатра, то ни Мильтинис, ни Банионис «со стороны» никого не берут. У них есть театр-студия, резервы — оттуда.

— Как же, однако, вы оказались в большом искусстве?

— После консерватории (я учился на курсе профессора Ираны Вайшите, она и сейчас руководит кафедрой актерского мастерства) меня направили в небольшой театр в Капсукас. Проработал полгода, театр закрыли. И меня позвал к себе мой «крестный отец» Генрикас Вансаявичус, который тогда был главным режиссером Каунасского драматического театра. В 87-м он переехал в Вильнюс, стал главрежем Литовского академического театра и увез меня с собой.

— Аце прашоу, Регимантас (тыфу, невольно ловишь себя на том, что начинаешь употреблять литовские слова, хотя вся беседа шла на русском; после моего литовского «извините» его browsи вздернулись, и народный артист с большим интересом посмотрел на вашего корреспондента). Но почему мы все о театре да о театре? Извините (теперь по-русски), но московский зритель знает вас больше как киноактера. Для вас же, судя по всему, нет вопроса: театр или кино?

— Да, д-да, да, нет. Конечно, театр. По-нимаю, москвичи меня видели на сцене

редко. Были одни гастролы, да и то давно.

— И все же — почему театр?

— Может быть, потому, что в театре можно исправить в следующем спектакле то, что не понравилось в предыдущем. В кино сыграл — и все, ничего не исправишь. А ведь даже любимую роль не всегда играешь на подъеме, на вдохновении, с полной творческой самоотдачей. Кино не дает времени на исправление. В театре я могу иногда порадовать зрителя. А может быть, и это важно: в кино меня в основном дублируют.

Я только один раз в кино говорил сам: в «Короле Лире» — Козинцев решился на эксперимент.

ствительно, многовато набирается...

— Видимо, режиссеры уверовали в то, что именно вам проще всего играть американцев в нашем понимании — спокойных, уверенных в себе, непреклонных. Аце прашоу, не играете ли вы просто самого себя?

— (Усмехнулся). Как же тогда быть с фильмами «Кентавры», «Это сладкое слово Свобода»? Там ведь герои — латиноамериканцы, горячая кровь. Да и приятель героя Караченцова в «Тресте»... им под стать.

— Выходит, экранное впечатление от вашего характера обманчивое?

— Не совсем. Конечно, я вкладываю в образ себя. И действительно, я никогда не улыбаюсь. Но я не пессимист. Жизнь сложна, нельзя быть всегда радостным или всегда грустным. Сегодня — такой, завтра — другой.

Воскресные
ВСТРЕЧИ МК

И ВСЁ-ТАКИ ТЕАТР

У нас в гостях народный артист Литовской ССР, лауреат Государственной премии Литвы Регимантас АДОМАЙТИС

— Что вы предпочитаете — классику или современность?

— Да, д-да, да... Классику... И — современность. А где градация? В театре мои любимые роли — Миндаугас (первый литовский князь. — И. Ф.) и Мажвидас (автор первой письменной книги в Литве. — И. Ф.) в драматических поэмах Юстинаса Марцинкявичуса. Я играю заглавные роли. И еще — роли в «Наедине со всеми» Александра Гельмана, «Играем Стриндберга» Фридриха Дюрренматта.

— В кино — то же самое?

— Что вы имеете в виду?

— Все то же: классика или современность?

— В театре у меня немного ролей в чисто современном репертуаре. Играл с большим удовольствием в «Затворниках из Альтоны» Жана-Поля Сартра и «Цене» Артура Миллера. В кино же — зрители это сами видят, и московские в том числе — в основном все работы на современном материале. Причем, к сожалению, большей частью «ненашенском».

— Действительно, вы все больше американцев играете...

— Неужели? (усмехнулся). Давайте подсчитаем. Да, д-да, да, прокурор Мейсен в экранизации «Американской трагедии», латиноамериканец Франсиско в «Это сладкое слово Свобода», снова хоть и южно-, но американец в «Кентаврах», а теперь еще роли «чистых» янки в «Тресте, который лопнул» по О'Генри (этот фильм анонсировал «МК». — И. Ф.), старший брат — Бойлен в «Богач-бедняк» (по Ирвину Шоу) — этот четырехсерийный телефильм уже снят на Литовской киностудии, заглавная роль в трехсерийном телефильме «Весь мир в кармане» по роману Джеймса Хедли Чейза, который на Рижской киностудии ставит Алонз Бренч, небольшая роль литовского американца в только что вышедшем «Медовом месяце в Америке» Альбертаса Лауринчюса... Дей-

— Вы себе нравитесь в кино?

— Нет. Почти всегда нет. Всегда находятся претензии, всегда чувствую неудовлетворение.

— Но что-то ведь все же понравилось?

— «Никто не хотел умирать» — Донатас, один из братьев Локисов (Медведей), Эдмонд, в результате все-таки роль в «Кентаврах» — трудная работа, доставившая немного удовольствия в процессе съемок, «Авария» Жалакявичуса.

— Да, самое-то главное: как вы пришли в кино?

— Не пришел, а, как и в театр, привели. Мой второй «крестный отец» — Витаутас Жалакявичус. Он пригласил в «Никто не хотел умирать», когда я еще работал в Каунасе. С ним в кино связано все.

— Других режиссеров не признаете?

— Почему же? Алмантас Грикявичус («Петерянный кров», «Факт»), Арунас Жебрюнас, хотя считают, что наш фильм «Чертова невеста» по повести классика литовской литературы Казиса Боруты («Мельница Балтарагиса») (сценарий Жалакявичуса) не очень получился, Альгирдас Дауса, который вместе с Грикявичусом поставил вызывавший много споров, даже отвергнутый поначалу критикой, а затем получивший в Сан-Ремо приз фильм «Чувства».

— А не в литовском кинематографе?

— Грузинские режиссеры, Козинцев, Михалков (восхищен тем, как прекрасно играют у него актеры, как интересно и разнопланово они у него работают), Нахепетов (снимался у него во «Врагах»), Губенко (и актер блестящий), Чухрай...

— Ваш идеал режиссера?

— Такого нет. О таком только мечтаешь. Да идеальных и не существует. Но

ближе к идеалу Жалакявичус. Учитесь. Мастер. Много требует, но и много дает. В театре — Вансаявичус.

— Ваши отношения с критикой, прессой, публикой?

— Приятно, когда хвалят. Но иногда лучше, если читаешь строгий разбор. Умная критика полезна, помогает взглянуть на себя со стороны. И популярность приятна. К тому же у нас она неутомительна. В Литве нет таких фанатичных зрителей, как в Москве. И реакция в зале спокойнее, и никто не толпится у служебного подъезда после спектакля. Найзидливость и экзальтация раздражают.

НАКОНЕЦ появился Довидас, выт-

щивший свою злополучную машину, обменялся с Регимантасом понятиями только автомобилистам репликами, разложил аппаратуру, зажег многосвечовые лампы и приступил к съемке. Нам представилась возможность отдохнуть. На руках у няни появился двухлетний Миндаугас, еще сонный, вялый, но вскоре с огромным интересом рассматривавший фотоаппараты. Вернулся с прогулки старший — десятилетний Витаутас. Робко заглянул средний — пятилетний Гедиминас, рослый не по возрасту, очень похожий на младшего брата, Довидас Ликовал: должен быть снимок — класс. Что получилось — судите сами.

— Как вы управляетесь с такой оравой?

— И не говорите. Вот нашли недавно няню, так все равно проблемы. Младший из моих князей (Витаутас, Миндаугас и Гедиминас — легендарные литовские князья. — И. Ф.) только меня признает. Но раньше еще хуже было. Вот и приходилось то мне, то жене разрываться. У меня ведь вся жизнь на колесах. В отпуске не был ни разу. Больше недели свободной не выдавалось. И сейчас каждое утро мотаюсь на репетиции в Каунас, вечером спектакли в Вильнюсе, а в промежутках еще ухитряюсь ездить в Ригу на съемки.

— Как же ваша жена относится к этому?

— А почему вы не спрашиваете, как к подобному же отношусь я? Вот вы ее и спросите, если сумеете заставить дома. У нас ведь ненормальная семья. Жена — тоже артистка, певица. Работает в Литовской филармонии. Сейчас на гастролях в Шяуляе. И еще снимается иногда.

— Адомайтене, Адомайтене... Где она играет, но что-то не припоминаю, аце она играла...

— И не вспомните (смеется, наконец-то засмеялся, и Довидас ухватил-таки момент). У нее девичья фамилия — Эугения Баерите.

Тут же вспомнился прекрасный дуэт Венямин Смехов — Гедиминас Гирдвайнис в телефильме «Смок и Малыш» и великодушная Джой Гастелл, красавица-старожилка охваченного золотой лихорадкой Клодидайна — Эугения Баерите.

ПОРА и честь знать. Единственный за последние два-три месяца абсолютный выходной день гостеприимного хозяина вновь — по нашей вине — превратился в рабочий, хотя Регимантас не выказал и тени неудовольствия. Традиционные «Ачу» и «Йки посиматимо», взаимные раскланивания... Но напоследок я не удержался:

— Прошедший год был для вас знаменательным: буквально накануне Нового года вам была присвоена Государственная премия Литовской ССР. Что же дальше, какие планы?

— Обычные. Работать, работать, работать. Нельзя успокаиваться. Да и рано. Сорок пять всего, скоро, правда, сорок шесть.

Беседу вел
Игорь ФЕЙН.
Фотографировал
Довидас ФЛИГЕЛИС.
Вильнюс — Москва.

Московский корреспондент
Г. Москва

16 ЯНВ 1987